Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Наши обозреватели Владимир Гутковский и Доктор начинают изучать произведения участников 2-го тура "Кубка Мира по русской поэзии - 2017". Первые четыре пары 1/16.

Владимир ГУТКОВСКИЙ и ДОКТОР

ОБЗОР 2-го ТУРА. Первые четыре пары 1/16

ИМХО-КЛУБ

Вступление от ВМГ

Приветствую всех от имени нового состава обозревателей: старожила ВМГ (Я) и новичка Д (Доктор).

Как повелось, произведения для обзоров мы делим на двоих. Мне достались нечетные пары, Доктору все остальные.

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

После консультаций обозреватели решили в одной шестнадцатой представлять материалы четырьмя порциями по четыре пары. Чтобы читатели по нас не соскучились (можно подумать!).

И я готов скромно отойти на второй план, чтобы дать возможность Доктору продемонстрировать себя во всем своем великолепии (это серьезно и без шуток).

Приступим, пожалуй.

Вступление от Доктора

Доктор поздравляет авторов всех прошедших в следующий тур стихотворений, однако оставляет за собой право усомниться в целесообразности нахождения там некоторых текстов. Что, однако, не влияет на способность восхищаться поэтическими талантами многих членов жюри, несмотря на то, что немногие из членов, с большой вероятностью, не обременены талантом художественного выбора в отдельно взятый момент пространства-времени.

ИМХО-КЛУБ

1 ПАРА

Конкурсное произведение 39. " Стаканы "
Конкурсное произведение 4. " Обратный отсчёт "

ВМГ

Как обычно, приведу вначале тексты, чтобы напомнить их себе и читателям.

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Конкурсное произведение 39. " Стаканы "

...А ты во сне беги-беги-беги

по берегу холодной Селенги
до сопок, разукрашенных закатом
под сказочные горы Най-Навы*.
Как сладок запах скошенной травы,
и ветер дышит дико и хрипато.

Беги во сне. Беги, беги легко
до золотом подбитых облаков –
там кедрачи врастают в занебесье,
и, если долго щуриться, со скал
увидишь засыпающий Байкал
и диких лошадей на редколесье,
и белый остывающий песок.

Ни встреч, ни расставаний, ни дорог,
ни времени, ни эха, только ветер...
Беги во сне. Беги-беги-беги.
Метнётся тень пугливой кабарги,
и задрожат малиновые плети...

И я бы добежала как-нибудь
до рыжих сосен в полосах тумана,
но дребезжали в поезде стаканы
так жалобно и тонко – не уснуть...

Конкурсное произведение 4. " Обратный отсчёт "

Замирая, текло электричество
По двужильным, в хэбэ, проводам,

И наматывал счётчик количество
Киловатт, с хрипотцой пополам.

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Сотрясая дубовую лестницу,
На укромный мансардный этаж
Забегали румяные ленинцы
Прыскать со смеху в мамин трельяж.

После трудного дела чернильного,
Барабанно-задорной муштры
Шёл черёд золотого, обильного,
Долгожданного часа игры.

Робинзон, домоводство – всё побоку,
Есть вещицы, как щёлк языка,
Не убиты стандартною робою,
Дорогие, как сон мотылька,

Как приманки на столике мамином
С ароматами «Красной Москвы» –
Жемчуга в полушалке пергаменном,
Поседевшие перья совы

И мундштук, грациозный, пленительный,
Продолжение тонкой руки,
Пальцы – в горсть, указательный вытяни
И, рисуя в пространстве круги,

Загадай, между прочим, желание:
Не коньки и не новый наряд, –
Чтобы мама, узнав о собрании,
Не бросала беспомощный взгляд,

Не пугалась, особенно вечером,
Телефонных нежданных звонков,
Теребя воротник изувеченный,
Прикрывая озноб позвонков.

Чтобы спорт полюбила и пение,
Не слонялась ночами без сна
С папиросой, слаба, как растение,
И как смерть комиссара, бледна.

Общая характеристика

В этой паре соперничают тексты, которые достаточно далеко расходятся по своим эстетическим предпосылкам и вместе с тем равно погруженные в свои внутренние

ощущения и предвкушения. «Стаканы» произведение сновидческое и провидческое, колеблющееся и трепещущее на зыбкой грани между видениями и явью. И исполнение его столь же причудливое и почти неуловимое. У конкурента самое название «Обратный отсчет» указывает на направление образного осмысливания текста. Но он отнюдь не линеен и потому приводит к отнюдь не однозначным выводам.

На первом этапе я так оценивал конкурирующие тексты.

«Стаканы»

Тот случай, когда хорошо считывается неочевидное. Цельный и выверенный текст. Должен быть замечен. И отмечен (с небольшим авансом):

++

«Обратный отсчет»

Создается впечатление, что автор чрезмерно увлекается своими возможностями. Подробности текста, безусловно, выразительны, но не всегда достаточно удачно подогнаны. И в результате ***«…наматывал счётчик количество»***.

Но надо отдать должное: ***«Есть вещицы, как щёлк языка»***. А иногда и как *«шёлк»*. На уверенный маленький плюсик.

А что теперь, после много(одно)кратных следующих прочтений?

«Стаканы»

Сам зачин

«...А ты во сне беги-беги-беги
по берегу холодной Селенги»
сразу погружает в мир пусть и незнакомый, но хорошо узнаваемый.

Беспредельно ограниченное пространство ***«сопок, разукрашенных закатом»***, где

«…сказочные горы Най-Навы.
…и ветер дышит дико и хрипато».
А движение внутреннего взгляда, такое призрачное и такое отчетливое продолжается и длится

«…до золотом подбитых облаков –
там кедрачи врастают в занебесье…»

(А читатель по ходу текста, безусловно, отмечает и другие его достоинства – роскошные определения и эпитеты. Например, *«хрипатое дыхание ветра»* или *«занебесье»* над головой. Замечает, но увлекаемый стремительно разворачивающейся панорамой откладывает до времени. Чтобы потом вдоволь посмаковать и насладиться ими при повторном перечитывании).

В довольно лаконичном тексте воссоздается целый мир. Да что там мир – бытийная вселенная.

В которой можно увидеть

«…засыпающий Байкал

и диких лошадей на редколесье,
и белый остывающий песок».
А если вглядеться, то и как
«Метнётся тень пугливой кабарги,
и задрожат малиновые плети...».
Но как ни погружайся в эти, такие пленительные видения, в которых

«Ни встреч, ни расставаний, ни дорог,
ни времени, ни эха, только ветер...»,
действительность все равно проступит сквозь сон и наступит трезвое понимание и осознание происходящего.

И пусть неистребима надежда

«И я бы добежала как-нибудь
до рыжих сосен в полосах тумана…»,

но…
«…но дребезжали в поезде стаканы
так жалобно и тонко – не уснуть...».
Да, не уснуть. Или однажды не проснуться.

Этому тексту можно было дать любое название. Озвученное и конкретное слегка умаляет его остранение от реальности. Но и предает некое дополнительное измерение. Надеюсь, сделано это умышленно.

Замечательно тонкая, кружевная поэтическая работа.

«Обратный отсчет»

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

На первый взгляд, в этом тексте много не обязательных подробностей. И на второй тоже. Но его насыщенность и наполненность щедрыми и колоритными деталями не может не вызвать симпатии.

Зачин, конечно, выглядит весьма приблизительным

«Замирая, текло электричество
По двужильным, в хэбэ, проводам,
И наматывал счётчик количество
Киловатт, с хрипотцой пополам…».
Ну, и бог с ним, пойдем дальше. К тем самым приметам уже так отдаленного, но не вызывающего никаких затруднений при припоминании и понимании быта.

«На укромный мансардный этаж
Забегали румяные ленинцы
Прыскать со смеху в мамин трельяж.
После трудного дела чернильного,
Барабанно-задорной муштры
Шёл черёд золотого, обильного,
Долгожданного часа игры».
Все это хорошо и даже здорово. Задорно, так сказать.

Но далее в описание вклиниваются совсем уж экзотические элементы:

«Жемчуга в полушалке пергаменном,
Поседевшие перья совы
И мундштук, грациозный, пленительный,
Продолжение тонкой руки…».
Безусловно, не затеряются среди них и самоценны сами по себе все те ***«… вещицы, как щёлк языка…».***
Но все же быт этот какой-то эклектичный и не слишком типичный. Видно, доставшийся персонажам из времен еще более удаленных.
Потому и не вполне подогнанный шов между двумя частями текста – развернутым вступлением и не менее объемным финалом

«Загадай, между прочим, желание:
Не коньки и не новый наряд, –
Чтобы мама, узнав о собрании,
Не бросала беспомощный взгляд,
Не пугалась, особенно вечером,
Телефонных нежданных звонков,
Теребя воротник изувеченный,
Прикрывая озноб позвонков.
Чтобы спорт полюбила и пение,
Не слонялась ночами без сна
С папиросой, слаба, как растение,
И как смерть комиссара, бледна…»
оправдать и понять можно. Но безоговорочно принять трудно.

Всегда приятно выискивать (наталкиваться на) яркие образные находки и умилительно удачные поэтические характеристики. Но выстроенность и выверенность конструкции текста в целом тоже, согласитесь, не последнее дело. В данном случае с этим, на мой взгляд, не совсем сложилось.

Мои симпатии.

Изначально вполне определенно были на стороне первого текста. Таковыми они и остались

Мой прогноз.

Все же **70:30**

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

2 ПАРА

Конкурсное произведение 297. " Голос "
Конкурсное произведение 80. " Тихое "

Доктор

"Голос"
http://stihi.lv/firsttour-2017/35700-297.html

Замечательное произведении об уходящем… Голосе...
Бывает, нахлынет иногда предчувствие – нет, не смерти – а чего-то неощущаемого и необратимого. Словами это выражать не хочется: потеряется «неощущаемость» - превратится в скользкое и тяжелое слово-приговор - «смерть», и растает иллюзия возвышенного и прекрасного в своей необратимости.
На этот раз, в чреде длинных и однообразных попыток описать неописуемое, мы видим явную стихотворную удачу. Потеря Голоса здесь – не кажется чем-то негативным, но – возможностью вырасти над ситуацией, найти в ней нюансы высокого искусства «Айкидо» - «пути слияния с противником» - чтобы перенаправить энергию «неизбежного атакующего» в творческое начало.
Именно отсюда – от слияния с экзистенциальным - рождается образ смерти как младенца. Только сроднившись с ней, удается разглядеть в этом симбиозе парадоксальный росток жизни. Жизни «другой», «не такой», но все же…
«вот, знакомься:
это - смерть, просто маленькая ещё.
ты поела бы что-то, совсем тростинка...
и оставишь, и выносишь под плащом.
для кого, на кого я тебя растила?».
Вообще, все стихотворение пронизано любовью к живому. Уже с самого начала читаем:
«попрощаешься с лесом:
расти большой,
всё проходит, любимый, непроходимый...»
не случайно, в один ряд поставлены «любимый» и «непроходимый». Непроходимость - синоним принципиальной непознаваемости любви, жизни, бытия… Синоним всего, что было до нас - и будет после нас радовать, восхищать и огорчать человечество.
Размышляя над стихотворением, можно с удивлением заметить, что каждая строфа –

является вполне законченным произведением, что придает особую целостность – внутренний стержень - произведению, как акту творчества.

Изолировав, например, любую из строф – можно на ее основе воссоздать свой собственный образный и фабульный ряд. Это словно напрашивается: развить, расширить, воссоздать предысторию:

«сколько голос ни вейся, и ни петляй,
там направо – земля,
и не лги, не лги мне,
здесь налево, и сверху – везде земля,
нет ни леса, ни голоса, ни ангины…»

Но можно этого и не делать, удовлетворившись авторской трактовкой потери Голоса, как потери жизненных сил, но ни в коем случае не творческих. Потому что свет, рвущийся наружу, - это не только метафора уходящей души, но и метафора нерастраченного поэтического потенциала, который – смеем надеяться – так же бессмертен, как и душа.

«…в скорых сумерках, в путанице ветвей
исхудалые знаки – ключица, локоть -
не лечить подступающий к горлу свет,
уходящему свету не прекословить…»

Красивый финал. Да…

Что касается конкурсных перспектив, то они представляются весьма радужными. Ведь нынешний конкурент, не в пример, поэтически более приземлен и затянут.

Лично Доктор, считает возможным - обратить внимание на фактическую сторону стихотворения "Голос". По ходу чтения – неизбежно возникают вопросы и ощущения, в которых не так-то просто разобраться. Реминисценции просто зашкаливают, доходя порой до полного комизма.

Кто такой, этот лирический субъект, который уходит умирать именно в лес? Может девчушка из сказки «Морозко» - и тогда читатель полон негодования к людям, загнавшим героиню в зимний лес. Может – Снегурочка? В этом случае – хорошо ложится вырывающийся свет, как символ снегуркиной смерти. Но причем тогда «кругом земля»?

Самый непротиворечивый, конечно, вариант - вампирский: только вампиры (согласно мифа о Дракуле) испытывают потребность находится в земле и умирают от лучей света.

Смех – смехом, но не стоит забывать о том, что образность, в борьбе за читательское понимание – оружие обоюдоострое, и довольно болезненное, при неосмотрительном применении.

Еще, не очень легло использование «проталин» и «снежного кома» в одной строфе – чудится некая нестыкуемость фраз на интуитивном уровне. Логически все обоснованно, но в чисто литературно-художественном, образном плане - не кажется удачным.

Но в целом – довольно приемлемо, и произведение явно достойно топа.

"Тихое"

http://stihi.lv/firsttour-2017/35438-80.html

Стихотворение состоит их двух частей. В первой – нам предлагается оценить ситуацию

одиночества, «иночества». «У инока ни отца, ни матери, ни детей, ни сродников нет, кроме единого Бога». – говорит нам православный толкователь.

И словно подтверждая истинность данного сравнения, находим у автора:

«Сумрак лениво ползёт по углам.
Чудится, Образ шепнул: "Аз воздам..."

Но в роли Бога – тут выступает поэтическое начало. Жажда, непреодолимое желание «остихотворить» буквально все, хотя не всегда это удается:

«В маленькой женщине радость тиха.
Счастье, когда удаётся строка,
следом нахлынет другая…»

Кстати, как читатель – могу подтвердить опасения героини: удается далеко не все и не всегда. Произведение кажется затянутым, перенасыщенным разнородными жизненными подробностями, которые, несмотря на попытки «опоэтизировать», в сущности, так и остаются тем, что называют «что вижу, то пою», коррелируя с детскими исканиями чуть меньше, чем полностью:

«Сколько упущено солнечных дней!
В лужице ловкий пострел-воробей
ловит на завтрак букашек.
На Воронцовских прудах суета:
на воду кряквы выводят утят,
делят на "наши – не наши"…»

Вторая часть произведения – представляется попытками отрефлексировать собственные чувства-переживания по поводу житейской и личной неустроенности, здоровья, творчества. Местами рефлексия даже удается, чему я, с читательской позиции, радуюсь безмерно. Особенно финальному, в целом позитивному, выводу (хотя и - почему-то - без напрашивающегося знака восклицания в конце строки.)

«Счастлива. Значит, живая».

Говорить о конкурсных перспективах – бессмысленно, на мой взгляд. Слишком силен конкурент. Слишком разный уровень афористичности и образности. Факторологические непрописанности напрягают, а технические – вроде бы «рабочие» - приемы вызывают сомнения в их обоснованности.

В частности, вызывает изумление сон героини в спальном мешке в квартире, а в зимовье – присутствие самовара. Это уже не зимовье, а целая заимка получается.

Игры с рифмами – кажутся не очень удачными, так как рефлексия – априори подразумевает сложность и глубину, а не дрейф в сторону наивно упрощения.

Лично Доктор, расценивает данное стихотворение, как попытку само психотерапии - весьма положительно, но нахождение его в топ-32, как факт литературного искусства – понять не в состоянии.

3 ПАРА

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Конкурсное произведение 367. " Было страшно и неправильно... "
Конкурсное произведение 174. " Белая пастила "

ВМГ

Тексты:

Конкурсное произведение 367. " Было страшно и неправильно... "

Было страшно и неправильно,
было так, как не должно –
и последняя испарина,
и лицо как полотно.

Ты-то думал, что короткую
спичку вытянет другой
и судьба с пустой коробкою
на тебя махнёт рукой.

Всё шарады будут, ребусы,
всё подсказочки к концу
да весенние троллейбусы
по Садовому кольцу.

И казалось, что безбрежная
жизнь качается в окне
и не в силах центробежная
сила вынести вовне.

Но она, конечно, вынесла

то, что выдано в кредит,
и сквозь дыры в шторе вымысла
вечность сонная сквозит.

И при каждом дуновении
ледяного ветерка
штора вздрогнет на мгновение –
и колышется слегка.

Конкурсное произведение 174. " Белая пастила "

Белая пастила плавится под рукой,

Лепится горностай – острая голова.
Лапами – перестук, в блюдечке молоко.
Ласковой Тугунье счастья не миновать.
Милый Ахыртека, храбрый Ахыртека...
Нартами озерцо режется пополам.
Срезаны постромки – северная тоска.
Скалится горностай. Горечью пастила.
Лезвия-коготки – алая полоса.
Всполохи в небесах. Вечности мерзлота.
Бисерные унты, камедь на волосах.
В мороке-колесе вертится горностай.
Тихая Тугунье, мёртвая Тугунье...
Праздничная доха проседью ледяной.
Тянется пастила, плавится на огне.
Чёрная Ухтаме плачется за стеной...
Много ли Тугунье, храбрых Ахыртека
Омулем уплывут в звёздную полынью?
Ниточкой пастила тянется сквозь века.
Ластится горностай к маленькой Олынью.

Общая характеристика

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Нет, как все-таки удобно и полезно иметь слабеющую память. Вот помнится, оба текста вызвали оживленную дискуссию. И мнения участников в определенной мере разошлись. Я с обсуждением, конечно, тогда познакомился, но теперь оно в моем сознании присутствует только как некий фоновый шум. И судить я снова могу непредвзято и по свежим впечатлениям. А произведения эти, да, интересные и несхожие.

На первом этапе я так оценивал конкурирующие тексты.

«Было страшно и неправильно»

Достойное завершение и этого обзора, и всего первого тура. Хотелось бы увидеть этот текст далее и поговорить о нем. Если достанется мне. На крайняк выменяю у Доктора на «Машинного Бога». До двух плюсов.

++

«Белая пастила»

Обычно я не слишком благосклонно воспринимаю тексты избыточно насыщенные экзотическими элементами. Чувствуется в этом некая принужденность. Но здесь, видимо, действует какое-то редкое по силе северное шаманское воздействие. Так что идиосинкразии не возникает. Когда все эти именования ***«Тугунье», «Ахыртека», «Олынью»*** звучат естественно и очень органично. Да, на этом фоне уже ***«пастила»*** выглядит экзотом. И оцениваю стихотворение не рационально (как полагалось бы), исключительно эмоционально.

++

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

А что теперь, после много(одно)кратных следующих прочтений?

«Было страшно и неправильно»

Достаточно будет сказать – текст простой, глубокий и сильный. И этим ограничиться. Какой уж там анализ, когда речь идет о приближении к человеческому пределу. Тут уже не до стилистических красот, хватит и неприкрытой правды. Вот такой:

«Было страшно и неправильно,
было так, как не должно –
и последняя испарина,
и лицо как полотно».
При желании можно придраться и к «полотняному лицу». А вот вы сами пройдите через подобное испытание. И попробуйте его выразить. Словами. В столбик и строчку..

Я-то, могу сказать, что проходил. И даже оставался при этом в позе «взгляд со стороны». А потом писал записки с той стороны. Но оптика в таких случаях, как правило, неизбежно сбивается, изображение размывается, глаз затягивает слезой. Тем то и ценен этот текст, что автор сумел сохранить наведение на резкость, правильный фокус, отчетливость деталей.

«Ты-то думал, что короткую
спичку вытянет другой
и судьба с пустой коробкою
на тебя махнёт рукой».
Другое дело насколько все эти детали выразительны и значимы.

Как по мне, последующие строфы вплоть до последней, возможно, и необходимы для воплощения личного авторского опыта и замысла, но для читателя могут выглядеть и не вполне обязательными, не единственно возможными, произвольно вариативными.

К тому же их поэтические достоинства достаточно спорны.

И только к последней строфе автор в своем произведении опять пытается взойти на горние высоты:
«И при каждом дуновении
ледяного ветерка
штора вздрогнет на мгновение –
и колышется слегка».

И, похоже, это ему удается.

Если подводить итоги, то человеческое измерение текста, безусловно, впечатляет. Что до поэтических аспектов, у меня некоторые сомнения остаются.

«Белая пастила»

С каждым прочтением очаровываюсь все сильнее и сильнее. Пропуская «пастилу», не легла, но дальше как здорово!

«Лепится горностай – острая голова.
Лапами – перестук, в блюдечке молоко…».
Эта щедрая северная ориенталистика

«Ласковой Тугунье счастья не миновать.
Милый Ахыртека, храбрый Ахыртека...»
овладевает мною безоговорочно.

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Этот притягательный северный напев. Этот край с его такими необычными пейзажами, приметами, обитателями.

«Нартами озерцо режется пополам.
Срезаны постромки – северная тоска.
Скалится горностай. Горечью пастила.
Лезвия-коготки – алая полоса».
И вечное небо, вечность в небе. Пусть не все образы однозначно расшифровываются, но от этого их поэтическая убедительность только усиливается.

«Всполохи в небесах. Вечности мерзлота.
Бисерные унты, камедь на волосах.
В мороке-колесе вертится горностай»;

«Праздничная доха проседью ледяной».
И финал естественный как все вокруг и столь же закономерный, в который и «пастила» вписывается неотразимо органично:

«Много ли Тугунье, храбрых Ахыртека
Омулем уплывут в звёздную полынью?
Ниточкой пастила тянется сквозь века.
Ластится горностай к маленькой Олынью».
Не часто случается такое полное слияние формы и сути текста.

Мои симпатии.

Не берусь определять, какой из текстов ближе к постижению вечной истины. Оба ближе. И каждый по-своему. Оба мне нравятся. При перечитывании второй все же произвел большее впечатление.

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

Мой прогноз.

С небольшим предпочтением (вопреки мнению жюри?)

45:55

4 ПАРА

Конкурсное произведение 43. " Господь Саваоф "
Конкурсное произведение 309. " Безыскусным изгибом сосуда... "

Доктор

"Господь Саваоф"
http://stihi.lv/firsttour-2017/35393-43.html

Сложно устроенное стихотворение, несмотря на нехитрую фабулу. Для того чтобы оценить его – пришлось витать в несвойственных для себя сферах.
Краткое изложение того, что удалось понять:
Бог – он троесущий, как известно верующим. Бог отец, Бог сын и Бог святой дух. Бог, в своем триединстве, - объект принципиально непознаваемый. Истинное имя Бога – всеобъемлюще и рабам Его недоступно. Посему, рабы Его пользуются прикладными именами – в разных ситуативных контекстах имя Его может звучать по-разному.
Господь Сафаоф – это, предположительно, людское имя Бога отца, в те исторические моменты, когда он: Вседержитель, Повелитель, ну и вообще – всесилен.
Господь Сафаоф, таким образом – имя олицетворяющее Силу, в том числе и воинскую. Ибо в специальных книжках часто пишут, что он «Господь воинств Ангельских». И

несмотря на то, что воинства ангельские, используются они, почему-то, довольно по-человечески: карают(за непослушание), разрушают, воюют с силами зла за гегемонию во вселенной(см. миф о Финальной Битве Добра и Зла), и за людскую душу, в частности.

Применительно к стихотворению – выбор, как именовать Бога, как видим, представляется огромным, но выбрано конкретно « Господь Саваоф». Что является неслучайным – это именно Господь Воинств, в нашем случае.

Почему это важно – попытаемся разобраться вместе.

Итак.

Перед нами стихотворение - довольно своеобразного стиля. В нем ничего не называется прямо. Читателю предлагается на основе ассоциаций, реминисценций и посредством интуиции - понять нарисованные образы, которые, надо сказать, довольно индивидуально выражены.

Здесь не просто образ – слово или образ – фраза, здесь образы(в широком смысле) зашифрованы целыми предложениями и, даже, каскадами сложных предложений. Причем, это не иносказание, не аллегория, не метафора. Это своеобразный троп, к которому никто кроме М.Л.Гаспарова не удосужился до сих пор не только подступиться, но и общепринятого названия-то не существует.

Рассуждая в одной из работ о видах тропов, перечисляя их, он пишет: «К этому списку новое время добавило, так сказать, антиэмфазу - расширение значения, размывание его; когда Блок (в упомянутом стихотворении) пишет без всякой тематической подготовки "Лишь телеграфные звенели/На чёрном небе провода", то можно лишь сказать, что эти провода означают приблизительно тоску, бесконечность, загадочность, враждебность, страшный мир и пр., но всё лишь приблизительно."

Рассматривая с этой позиции начало стихотворения:

«Свят, свят, свят Господь Саваоф —
шестикрылые серафимы — глашатаи этих слов,
которые я как плащ на себе носила,
вытаскивая из житейского ила
то серые камни, то ножницы для плавников,
картон и бумагу из стареньких дневников,
браслеты и серьги, и даже, часы золотые».

Мы должны видеть здесь не литургию, не молитву к Господу, не ножницы для плавников и золотые часы, а гносеологические метания личности, в попытках познать бытие во всех его проявлениях: в красоте, в неудовлетворенности, в сложности. Попытку разобраться в «истинном» и «ложном».

Здесь читателю предоставлена возможность – самому наделить перечисляемые предметы сущностью. Любые ассоциации будут уместны, если следовать за автором в предложенном русле.

Читателя, уверенно и безусловно, втягивают в сотворчество. И следующая картина – картина идиллии – может рассматриваться не как конкретная, но как общее представление о прекрасном мире – своеобразная мини-утопия:

«И тщательно мыла налитое козье вымя —
вот так начиналось утро в моём дворе:
горячая плоть земли становилась щедрей,
простуженный хлев царапали когти веток
разросшейся сливы и выжимали ветошь

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

мои молодые руки,
и взгляд козы
уставился в свет пропускающие пазы,
где плавился запах когда-то зелёных сосен».

И снова читатель вправе наделить «простуженный хлев», «пропускающие свет пазы» итд. - своими, индивидуальными ассоциациями.

Но уже следующий отрывок – ломает, возникшую было, гармонию. «А к шее козленка уже подступила осень» - звучит как предчувствие беды, войны(?)

«А к шее козлёнка уже подступила осень.
И звали отца, и стол накрывала мать,
я ей помогала из подпола вынимать
морковку и жёлтый пузан картофель.
Художник небесный нас всех нарисует в профиль
и даже в анфас для будущего Судьи.
Вот так и живём и крепко на том стоим —
меняем войну на смертный рушник и мир…»

И – да, мы убеждаемся, что предчувствие предчувствия войны нас не обмануло. Вот они: война и ее последствия:

«…и падает снегом протёртый творог и сыр
на ледяное, тугое как парус небо.
И точно мохнатый зверь расцветает верба
и пахнет новорождённой в ночи весной.
Держи меня за руку, просто побудь со мной,
послушай как в сердце стучит Господь Саваоф —
он тянется блеском из чёрных квадратов зрачков».

Финальный аккорд – достаточно сложен для интерпретаций. Вспомним, однако, что нас намеренно вовлекали в соучастие. В со-творение данного хронотопа. И пусть не удивляется потом автор, когда одним из возможных векторов познания станет понимание «протертого творога и сыра», падающих на небо, как образа перемолотых войной человеческих душ, с надеждой ищущих пристанища в обожествленном небе – истинном вместилище Рая, в людском понимании.

И не вина распотрошенных до протертого состояния рабов Его, в том, что небо «ледяное» и «тугое». Эпитеты довольно перпендикулярные тезису Рая, не находите? Веет постмодернизмом, с его переосмыслением канонов. Далеко не ясно, примут ли там страждущих.

И уже не удивительно на этом фоне, что оставшиеся в живых - носят в себе отголоски воинствующей силы Господа Сафаофа, которые тянутся всесжигающим, всеразрушающим блеском (словно лазером гиперболоида Гарина) из квадратов зрачков, что учитывая «Черный квадрат» Малевича – открывает истинный цвет души многих современников прошедших через бойню братоубийства..

Конкурсное продвижение - по крайней мере, на этом этапе – видится для произведения неизбежным.

Личные же претензии Доктора, сводятся к тому, что увлечение художественностью творческого созидания - приведящее к углублению перспективы – сказалось на внешнем плане текста.

Например:

«И звали отца, и стол накрывала мать,
я ей помогала из подпола вынимать
морковку и жёлтый пузан картофель».
В этом отрывке – вызывает скепсис не только последовательность действий лиц (получается, что картоху и морковь метали прямо на стол, не обрабатывая), но и то, что внешний вид клубней к поздней весне (горячая плоть земли становилась щедрей) – становится далек от нарисованного автором. Все перечисленное – больше напоминает неаппетитный, неопределенно-грязного цвета клубок спутавшихся ростков, к тому времени.
Если не обращать внимания на эти мелочи (а как прикажете не обращать, когда произведение требует вдумчивого чтения?!) – нареканий на попадание стихотворения в топ-32 нет.

"Безыскусным изгибом сосуда..."
http://stihi.lv/firsttour-2017/35719-309.html

Перед нами – довольно интересная смесь точек зрения. Сущность повествователя предстает и отстраненным наблюдателем, и активным участником длинного, а вероятнее – бесконечного, путешествия по грезам-воспоминаниям.
Активность его обусловлена тем, что, несмотря на принятый облик «затвердевшего в огне сосуда», – именно повествователь является движительным центром всей композиции. Без него – ничего бы не случилось. Но и действенно влиять на происходящее – не прерогатива «сосуда».
По своей сути, стихотворение принадлежит к архетипу «релакс о подступающей старости", как мне кажется.
Наличие двух героев – мальчика и старика – лишь подтверждает данный тезис. Все мы чувствуем себя детьми, по внутреннему самоощущению возраста, но являемся фактически умудренными стариками из стихотворения, когда приходит момент задуматься о прожитых и, главное, оставшихся годах. А размышления наши – лишь бесконечный путь самокопания, не имеющий конечной станции.
Что касается художественного воплощения, то выбранный ритм задает возвышенно-элегические интонации, которые грамотно поддерживаются правильной «пафосной» лексикой: время сделалось неторопливым, хрупкость тонких костей, синих жилок - витое двуустье итд.
И особенно красиво, по мнению повествователя, должно смотреться грамотное обрамление:
«…отпечатаюсь в глине...
не стопою, а болью тупою.
как в огне затвердев, безыскусным изгибом сосуда…
[…]
как в огне затвердев, так пуста, что вздыхаю акустно...»
И лично Доктор со всем эти, безусловно, согласен. Да.
Но!
Чем еще может потешить душеньку читатель, утомленный нарзаном и постмодернизмом? И вот тут, возникают некоторые проблемы стилистики: кроме витиеватого «хрупкость тонких костей, синих жилок - витое двуустье» - не несущего,

впрочем, глубокой смысловой нагрузки – мы не находим в тексте ничего подобного начальному и конечному обрамлению. Да и то, конец и финал – это скорее одна, правда перефразированная, рюшечка.

Право, не считать же за украшение эвфемизм «и на черной коре тонкой струйкой спугнет воробьишку» - да и где же вы найдете воробья-неадеквата, который будет дожидаться струйки?

Фраза же «чем-то неодолимым изнуряют назойливо слепни» - взывает своей напускной многозначительностью смех. Чем же таким, неодолимым, на самом деле могут изнурят слепни? Глубоко философский вопрос, стало быть.

Логическая связанность в тексте – порой рождает глубокое недоумение. С кем рядом? С мальчишкой – или с водопоем?

«…пусть мальчишка в дхоти на осле повезет к водопою.
рядом с ним только пёс и старик, потерявший
рассудок...»

Примененные этнические вставки: дхоти, тюрбан, сель – не несут никакого национально образотворческого потенциала, и применяются здесь «постольку – поскольку». Приращения смысла не происходит.

В целом – если опираться на теорию Бахтина о «бытии в диалоге» - то читатель, в моем лице, кроме хаотично употребленных кусочков якобы художественности – ничего эстетически ценного не приобрел.

Немного раздражает присутствие текста в топ-32, но стоит, наверно, утешиться тем, что дальше он, наверняка, не пройдет. Наличие редакторского большинства в Большом жюри – сделает свое дело.

В качестве послесловия от Доктора.

В этом году, топ-32 дышит фатализмом смерти и рефлексиями о подступающей старости. Буквально. Каждый первый текст.

Что не может не тревожить, в плане "омолаживания коллектива". Юная поросль поэтов-читателей не оценит приложенных усилий, я так думаю.

В качестве послесловия от ВМГ.

"Омолаживания коллектива" произойдет само собой, естественным образом. Нам ли думать еще и об этом.

Автор: Субъектив
25.11.2017 13:00

А дебютный обзор, на мой взгляд, удался. Призываю отметить роль Доктора в этом. И поддержать его. Меня же можно и ругать. Мне уже все равно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИМХО-КЛУБ

Дорогие российские друзья!
Вы можете оказать дружескую помощь нашему порталу.

Сделать это можно путем перечисления средств
на карту VISA Сбербанка РФ
номер карты: 4276 3801 8778 3381
на имя: ГУНЬКОВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

Александр Гуньковский - представитель портала Stihi.lv в РОССИИ (Москва).

Все средства, поступающие на карту с этим номером, будут аккумулироваться и передаваться на обслуживание и развитие портала.

ИМХО-КЛУБ